

Патрушев Сергей

Полуночица

Сергей Патрушев

Полуночица

«Автор»

2026

Патрушев С.

Полуночица / С. Патрушев — «Автор», 2026

Анастасия мертва для мира людей, но жива в тенях Петербурга. Обращённая загадочным вампиром Локи, она становится «Полуночицей» — идеальным хищником с теплой кожей и человеческим лицом. Отказавшись от роли пешки в играх древних кланов, Настя использует ум вместо клыков. Она манипулирует банкирами, ломает иерархию нежити и защищает слабых, превращая свои травмы в абсолютное оружие. Но чтобы окончательно освободиться от создателя, ей предстоит взглянуть в лицо своему прошлому и выбрать: остаться чудовищем или стать судьей нового мира.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Билет в один конец	5
Глава 2. Первая ночь	12
Глава 3. Инстинкт хищника	19
Глава 4. Тень прошлого	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Полуночица

Глава 1. Билет в один конец

Осенний дождь не просто шел — он методично соскабливал с города остатки лета. Анастасия стояла у окна своей съемной однушки на пятом этаже панельной девятиэтажки и смотрела, как по стеклу ползут грязные разводы. Внизу, во дворе-колодце, одинокий фонарь выхватывал из темноты ржавую детскую горку и лужи, в которых тонули отражения окон соседнего дома. Там, за этими окнами, люди пили чай, смотрели телевизор, ругались или занимались любовью. Они жили.

Анастасия заваривала себе седьмую кружку растворимого кофе за вечер.

Ей было двадцать восемь, но последние три года она чувствовала себя шестидесятилетней библиотечаршей, похоронившей всех своих кошек. Рутинная жизнь была безупречной в своей безысходности. Утро: будильник, холодный пол, тостер выплевывает подгоревший хлеб. День: опенспейс, гул серверов, бесконечные таблицы Excel, снисходительная улыбка начальника отдела Павла Сергеевича, который называл ее «Настенькой» исключительно когда нужно было доделать его работу бесплатно. Вечер: метро, пахнущее чужим потом и безнадежностью, магазин у дома, где кассирша Лена уже знала, что она возьмет пачку макарон, самый дешевый сыр и бутылку вина со скидкой. Ночь: свет экрана ноутбука, доедающий остатки зрения, и переписка с ним.

С Кириллом. Идеальным, недостижимым, женатым Кириллом.

Он был старшим аналитиком, сидел через два стола от нее и обладал редким талантом смотреть сквозь людей так, будто их не существует, пока вдруг не решал одарить кого-то своим вниманием. Этим кем-то стала Настя полгода назад. Он принес ей латте, когда сломалась кофемашина. Сказал: «Держи, Золушка, кажется, ты теряешь сознание от запаха цикориевого суррогата». Она поплыла. За этим латте последовали разговоры о Набокове, совместные перекуры на пожарной лестнице, где ветер гудел между бетонных коробок, и его рука, случайно коснувшаяся ее руки при передаче степлера. Для него это были ничего не значащие эпизоды пресыщенного хищника. Для нее — целая вселенная.

Вчера вечером он написал: «Моя мегера укатила с детьми в Турцию. Свобода пахнет одиночеством и остывшим пиццей. Не хочешь скрасить?»

Сердце Насти сделало кульбит. Она купила новое белье (красное, вызывающе пошлое для нее), сделала укладку, простояла час перед зеркалом, выбирая платье. А потом написала: «Хочу».

Ответ пришел через сорок минут: «Прости, птичка. Семейный кризис отменяется. Вернулась раньше. Сидит на кухне, пьет мой виски. В другой раз».

«Птичка». Как осколок стекла в горле.

Она стерла сообщение, даже не отправив обиженное «понятно». Вылила недопитое вино в раковину. И впервые за долгое время заплакала не тихо, давясь слезами в подушку, а громко, некрасиво, подвывая в голос, размазывая тушь по щекам. Ей казалось, что внутри нее образовалась черная, выжженная пустота, которую ничем не заполнить. Ни карьерой, ни подругами, которые давно повыскакивали замуж и рожали детей, ни новыми туфлями. Пустота требовала чего-то радикального. Разрушения.

Телефон завибрировал на столе, заставив ее вздрогнуть. На экране высветился незнакомый номер. Настя хотела сбросить, но палец замер. — Алло? — хрипло сказала она. — Ты еще смотришь в окно? — Голос был мужским, низким, с легкой, почти незаметной хрипотцой. В нем не было вопросительных интонаций. Только констатация факта. — Кто это? — Настя сглотнула. Сердце снова дернулось, но на этот раз от липкого страха. — Неважно. Я вижу твой

профиль. Серые шторы. Фикус Бенджамина, который желтеет от тоски. Бутылка из-под Совиньона. Ты красивая, Настя. Но выглядишь как эпитафия самому себе. Откуда он знает имя? Откуда он видит комнату? У нее похолодели пальцы. — Это розыгрыш? Дайте мне поспать. — Ты не хочешь спать. Ты хочешь перестать быть прозрачной. Хочешь почувствовать плотность мира. Завтра. Полночь. Станция «Лесная», последний вагон. Человек в сером плаще даст тебе маску. Скажи ему кодовое слово: «Энтропия». Если пойдешь — твоя жизнь изменится навсегда. Если нет — завтра понедельник, Павел Сергеевич попросит тебя выйти в субботу, Кирилл снова забудет твое лицо, а ты сваришь доширак. Выбирай. Короткие гудки.

Настя опустила телефон. Кожа покрылась мурашками, хотя батарея под окном жарила невыносимо. Мозг кричал об опасности. Маньяк. Сектанты. Органы на продажу. Все сценарии дешевых криминальных сводок пронесли в голове за секунду. Нужно заблокировать номер, выпить валерьянки и лечь спать.

Но вместо этого она открыла заметки. *Энтропия*. Слово звучало весомо, научно и трагично. Мерило хаоса. Именно так она себя и ощущала — набором распадающихся частиц.

Всю субботу она провела как в бреду. Механически сходила в супермаркет. Стояла у полки с консервами и думала: если я сейчас умру, кто найдет в моей корзине банку сайры и поймет, насколько одинокой я была? Она зашла в торговый центр, посмотрела на витрины, но не увидела ничего. Мир стал плоским, двухмерным, как старая фотография. Люди вокруг казались манекенами, двигающимися по заданным алгоритмам.

Вечером она приняла душ. Надела простые джинсы, черную водолазку. Никакого макияжа. Посмотрела на свое отражение в зеркале ванной. Бледное лицо, круги под глазами, плотно сжатые губы. Незнакомка. Чужая женщина, которой нечего терять.

Без четверти двенадцать она вышла из дома.

Дождь усилился. До «Лесной» пришлось ехать через весь город. В вагоне метро в такое время сидели только тени: спящие работяги с заводов, студенты с красными глазами, подозрительные личности, прячущие лица в капюшоны. Никто не смотрел на Настю. Она была невидимкой даже здесь.

На «Лесной» пахло креозотом и мокрой землей. Платформа была пустынна. Рекламный щит мигал, пытаясь показать ролик про ипотеку, но рябь помех превращала счастливую семью в дергающихся демонов. Настя встала в самом конце платформы, там, где заканчивался навес и начиналась открытая морось.

Ровно в полночь подошел поезд. Последний. Старые, гремящие двери разъехались с шипением. Из последнего вагона вышел мужчина. Высокий, облаченный в тяжелый, намокший шерстяной плащ мышиного цвета. Лицо скрывала широкополая шляпа. Он встал у края платформы, спиной к ней, и закурил. Огонек сигареты вспыхнул в темноте красным глазом.

Настя сделала шаг вперед. Потом еще один. Каблуки ее ботинок глухо ударили по бетону. Мужчина услышал. Он медленно обернулся. Под шляпой действительно оказалось лицо — резкое, скульптурное, с высокими скулами. Глаза в тени показались абсолютно черными. Он протянул ей руку. На ладони лежала маска. Венецианская баута — белая, глянцевая, с длинным носом-клювом и без малейшего выражения рта. Классика комедии дель арте, лишенная всякой театральности. Маска смерти.

— Энтропия, — тихо сказала Настя. Мужчина едва заметно кивнул. Его пальцы оказались ледяными. Он взял ее за запястье — хватка была железной, нечеловеческой — и повел в темноту, прочь от редких огней станции.

Они шли молча минут десять. Промзона сменилась старым частным сектором, который городские власти десятилетиями обещали снести, да так и забыли. Кривые заборы, почерневшие от влаги срубы, заросли американского клена. Под ногами чавкала грязь. Настя пару раз чуть не упала, но проводник держал ее стальной хваткой, не давая сбиться с шага.

Дом возник внезапно. Двухэтажный купеческий особняк начала века, спрятанный за трехметровым кирпичным забором. Когда-то он был красив — лепнина, эркеры, резные наличники. Теперь краска облупилась лохмотьями, обнажив трухлявое дерево, окна были выбиты, а крыша просела внутрь, словно здание умерло от долгой, мучительной болезни.

Провожатый подвел ее к неприметной железной двери в заборе, приложил ладонь к замку. Щелчок прозвучал неестественно громко в ночной тишине. Дверь открылась в абсолютный мрак. — Спускайся, — сказал он, подталкивая ее в спину. Лестница была винтовой, каменной. Сырость здесь стояла такая плотная, что ее можно было резать ножом. Воздух пах плесенью, старой кровью и озоном, как после удара молнии. Чем ниже они спускались, тем теплее становилось. Вскоре Настя почувствовала запах горячего воска и каких-то пряных, дурманящих трав.

Подвал оказался огромным. Куполообразный потолок поддерживали массивные колонны. Стены были облицованы черным мрамором, в котором тускло отражалось пламя сотен свечей. В центре зала находился алтарь — неправильной формы монолит из темно-зеленого камня, похожего на застывшую болотную жижу.

И там были люди. Около двадцати фигур стояли полукругом. Все в одинаковых черных балахонах с глубокими капюшонами, полностью скрывающими лица. Они молчали, лишь иногда перебрасываясь фразами на языке, который напоминал латынь, но состоял из острых, царапающих слух согласных. При появлении Насти движение прекратилось. Все головы в капюшонах повернулись к ней.

Тот, что привел ее, снял свой плащ. Под ним оказалась такая же черная хламида. Он подтолкнул Настю к алтарю. — Новенькая, — произнес мужской голос из толпы. Низкий, вибрирующий. — Чистое отчаяние. Хороший материал. Ноги стали ватными. Паника наконец пробила химический туман спокойствия, в котором Настя пребывала последние сутки. Это не закрытый клуб эстетов. Это не богемная вечеринка. Это секта. Сейчас ее положат на камень, пережгут горло и принесут в жертву какому-нибудь древнему божеству ради урожая гречки. Она попыталась отступить, упереться каблуками в скользкий камень, но двое в балахонах выросли за ее спиной, как две черные стены. Они схватили ее за локти. Их пальцы тоже были холодными, как у мертвых.

Из-за спин сектантов выступил главный. Он откинул капюшон. Это был седовласый старик с лицом, испещренным морщинами, похожими на трещины в сухой земле. Но глаза... глаза у него были молодыми, яркими, янтарного цвета, с вертикальными зрачками, как у змеи или крупной кошки.

Старик обошел Настю кругом, внимательно осматривая ее, словно скульптор — кусок мрамора. — Боишься, — констатировал он. Голос его теперь звучал прямо в голове Насти, минуя уши. — Это хорошо. Страх очищает сосуды. Раскрывает каналы. — Пожалуйста, — прошептала Настя. Губы не слушались. — Я хочу уйти. Я ошиблась дверью. — Ты вошла ровно в ту дверь, которая вела к тебе настоящей, — прошелестел старик. Он поднял руку. На среднем пальце блеснуло кольцо с крупным черным камнем. — Мы не приносим жертв, девочка. Мы дарим инициацию. Ты устала дышать пылью. Мы научим тебя пить чистый воздух вечности. Будет больно всего мгновение. Боль рождения всегда мгновенна.

Он щелкнул пальцами. Музыка, которой секунду назад не было — низкий, утробный гул тибетских чаш — заполнила пространство, проникая под череп, заставляя вибрировать зубы. Свечи вспыхнули ярче, зеленоватым пламенем. Тени сектантов на стенах вытянулись до потолка, сливаясь в одну гигантскую многорукую фигуру.

Старик наклонился к Насте. Его янтарные глаза гипнотизировали, парализуя волю. Он провел пальцем с кольцом по ее шее, ключице, остановился над ямкой между грудей. — Расслабься, — приказал он. — Прими. Энтропия требует жертвы эго. Жертвы человеческой надежды.

Его рот открылся слишком широко. Челюсть хрустнула, выворачиваясь вниз, обнажая не человеческие зубы, а двойной ряд тонких, игольчатых клыков, сочащихся желтоватой жидкостью. Нос сплющился, ноздри затрепетали, втягивая запах ее ужаса. Старик преобразался на глазах, сбрасывая личину дряхлого человека. Серая кожа натянулась на увеличивающийся череп, на лбу прорезались костяные наросты.

Настя хотела закричать, но из горла вырвался только сиплый выдох. Те, кто держал ее, заломили руки назад с такой силой, что суставы затрещали. Ее грудь насильно обнажили, разорвав ворот водолазки. Холодный мрамор алтаря обжег лопатки.

Тварь нависла над ней. Из пасти пахло могильной землей и медью. Она запрокинула голову Насти набок, открывая доступ к сонной артерии. Желтые глаза пульсировали в такт биению ее сердца.

— Добро пожаловать домой, — прошипело существо, и острые клыки вонзились в шею.

Боли не было. Был шок. Вспышка белого света в мозгу, ощущение раскаленной иглы, входящей глубоко в плоть. А затем началось всасывание. Это не было похоже на питье крови в кино. Чудовище не глотало. Оно тянуло из нее нечто более фундаментальное — тепло, воспоминания, саму молекулярную структуру ее жизни. Настя почувствовала, как школьный выпускной, вкус маминого борща, первая двойка по математике, первый поцелуй с прыщавым одноклассником Димкой, унижение перед Кириллом вчера вечером — все это вытягивается наружу тонкой, болезненно-сладкой струной. Вместе с жизнью уходила и боль неразделенной любви. Забывался цвет глаз матери. Исчезала обида на начальника. Растворялась сама личность Анастасии Смирновой, офисного планктона. Осталась только пустая, звенящая оболочка.

Мир сузился до точки укуса. Кровь толчками покидала тело. Перед глазами поплыли красные круги. Звук ритуальных чаш превратился в рев водопада. Она поняла, что умирает. По-настоящему. Навсегда. Осознание пришло не со страхом, а с чудовищным, абсурдным облегчением. Наконец-то. Конец рутине. Конец ожиданию звонка. Конец ей самой.

Последнее, что она увидела своими человеческими глазами — это собственное отражение в одном из черных камней алтаря. Бледное лицо, бескровные губы и огромные, потемневшие от расширившихся зрачков глаза, в которых больше не было души. Затем наступила тьма.

Первое, что вернулось — звук. Металлический, ритмичный, бесконечно повторяющийся. Кап. Кап. Кап. Вода падала на кафель. Запах формалина, хлорки и сладковатого гниения забил ноздри. Было адски холодно. Голой спине было жестко и сыро.

Настя открыла глаза.

Потолок был выложен белой квадратной плиткой, в центре одной из них темнело желтое пятно от протечки. Свет флуоресцентных ламп резал привыкшие к мраку глаза. Она лежала на наклонном металлическом стеллаже. Справа от ее бедра проходила хромированная труба для стока жидкостей. Слева висела табличка: «Сектор 4. Труп №8421. Женский. Поступление: 15.10. Причина: Массивная кровопотеря, колото-рваная рана шеи».

Морг. Центральный городской судебно-медицинский морг.

Паники не было. Вообще никаких эмоций. Была только клиническая, отстраненная ясность ума. Она села. Ткани тела отозвались странной легкостью. Не было привычной тяжести в ногах, боли в пояснице от неудобного матраса, голода.

Она осмотрела себя. Черная водолазка превратилась в жалкие окровавленные лохмотья на груди. Шея... Настя подняла руку и ощупала кожу. Горячая, гладкая. Ни раны, ни шрама, ни даже следа от зубов того монстра. Только идеально ровная, бледная кожа. Будто укуса никогда не существовало. Но память о нем осталась — фантомное ощущение сквозной дыры в гортани.

Кап. Кап. Кап. Она перевела взгляд на источник звука. В углу комнаты, куда не доставал мертвенный свет лампы, лопнула труба отопления. Горячая вода с тихим шипением била в белую стену, стекая на пол. Пар поднимался вверх, искажая воздух.

Настя спустила ноги со стеллажа. Босые ступни коснулись ледяного кафеля. Она поежилась, но не от холода — от контраста температур. Ее собственная температура тела стремительно падала. Она была холоднее окружающего воздуха градусов на пять.

Дверь в секционный зал со скрипом приоткрылась. Заглянул санитар Витя — вечно небритый, пахнувший перегаром и «Беломором» мужик лет пятидесяти. Он делал обход, проверяя целостность пломб на холодильных камерах. — Опять трубу сорвало, мать ее... — буркнул он, шаркая старыми кроссовками по кафелю.

Он прошел мимо Насти, задев ее плечом. Прошел насквозь.

Витя не почувствовал столкновения. Он не увидел женщину, сидящую на анатомическом столе посреди ночи. Его взгляд скользнул по пустой стене, зафиксировал течь, и он раздраженно цокнул языком: — Третий раз за месяц заявку пишу, козлы бюджетные. Всю ночь дежурство изгадят. Он развернулся и пошел обратно к выходу. Открыл шкафчик, достал оттуда бутерброд с заветренной колбасой, начал есть, громко чавкая. Настя сидела в метре от него. Она видела каждую пору на его носу, каждую щетинку на подбородке, крошки табака в складках его век. Она слышала, как переваривается пища в его желудке, как пульсирует кровь в варикозной вене на ноге. Но для него она была воздухом. Призраком. Несуществующим объектом.

Осознание обрушилось на нее не лавиной, а медленно проступило, как йод на бумаге. Она умерла. Та девушка, которая плакала из-за женатого мужчины и ненавидела понедельники, перестала существовать в момент соприкосновения клыков старика с ее венами. Физическая смерть зафиксирована государством, биркой на большом пальце ноги и записью в журнале регистрации трупов.

Но почему-то она сидит здесь. Мыслящая. Видящая. Чувствующая невероятную, звенящую остроту бытия.

Настя встала. Движения были плавными, текучими, лишенными обычной человеческой угловатости. Она подошла к столу, где лежало ее бывшее тело — накрытое синим прорезиненным покрывалом. Форма под тканью была женской.

Она откинула край.

Это была она. И одновременно — не она. Кукла. Обескровленный восковой манекен с пепельно-серой кожей и заострившимися чертами лица. Глаза закрыты. На шее — аккуратный Y-образный разрез, зашитый грубыми нитками патологоанатома. Никаких следов вампирского пиршества. Официальная версия — убийство, возможно, сатанисты или сумасшедший. Дело ляжет в архив через год за отсутствием подозреваемых.

Настя провела рукой над своим лицом. Теплового излучения не было. Между ее живой, холодной сущностью и этим куском мяса пролегла непреодолимая граница. Барьер частот. Она больше не принадлежала к биологическому виду *Homo sapiens*.

В дальнем крыле морга, там, где хранились невестребованные тела, заработал холодильник. Мощный компрессор загудел, включаясь. Звук вибрации прошел по полу. Настя инстинктивно повернула голову на шум.

Внутри нее шевельнулось нечто первобытное. Инстинкт, которого у Анастасии-человека никогда не было. Сосушая, грызущая пустота в районе солнечного сплетения. Живот свело спазмом такой силы, что она согнулась пополам, опершись руками о металлический стол. Это не был голод по еде. Еда казалась ей сейчас понятием столь же абстрактным, как квантовая физика для младенца.

Это был иной голод. Каждая клетка ее нового, холодного организма вопила о необходимости восполнить потерю. То, что высосал из нее старик в подвале — жизненную эссен-

цию, тепло, энергию движения атомов — зияло черной дырой. И эту дыру нужно было чем-то закрыть. Немедленно. Иначе эта звенящая ясность ума сменится безумием распада.

Она выпрямилась. Посмотрела на свои руки. Тонкие запястья, длинные пальцы. Под бледной кожей не просвечивали синие вены. Кровь в них теперь двигалась иначе — медленно, густо, светясь изнутри едва заметным серебристым маревом, видимым только ей самой.

— Есть хочется, — прошептала она в пустоту морга. Голос прозвучал чисто, без эха, но с легким присвистом, словно воздух проходил сквозь лезвие.

Витя в своем углу закончил с бутербродом, смял пакет и бросил его в урну. Он собирался включить телевизор, чтобы посмотреть старые записи боев без правил. Настя сделала шаг к нему. Затем второй. Она не шла — она перетекала по пространству, совершенно бесшумно. Санитар открыл холодильник, чтобы достать очередную порцию льда для пересыльной камеры, повернулся спиной, потирая поясницу.

Она оказалась рядом с ним быстрее, чем сработал бы любой человеческий рефлекс. Ее рука сама собой легла ему на затылок. Пальцы сомкнулись в волосах. Витя замер, удивленно крякнув, думая, что поскользнулся на мокром полу. — Что за...

Она наклонилась к нему. Не к шее. Ниже. К тому месту, где под плотной фланелевой рубашкой билось сердце. Ее собственные клыки — те самые тонкие, убийственные иглы — удлинились сами собой, прорвав десны. Резкая вспышка боли в челюсти тут же сменилась эйфорией.

Инструкция пришла вместе с голодом. Древняя, прописанная в ее новой ДНК. Не разрывать артерию. Это примитивно, грязно и выдает новичков. Плоть смертных слаба. Нужно брать чище. Глубже.

Настя прижалась губами к груди санитара, прямо поверх кармана с надписью «Виктор», туда, где ребра сходятся к мечевидному отростку. Она надавила зубами. Ткань рубашки не стала преградой — расползлась, как папиросная бумага. Кожа поддалась легче. Она прокусила грудную клетку одним точным, хирургическим движением, погружая клыки между четвертым и пятым ребром, прямо в предсердие.

Горячая, густая, соленая волна ударила в небо.

Это был экстаз. Огненный сироп, жидкий азот, чистая радость существования. Витино сердце судорожно трепыхнулось в последний раз, отдавая остаток кислорода, адреналина и десятилетий никотиновой смолы. Настя пила не столько кровь, сколько саму искру жизни, гася ее, как свечу между пальцев. Она впитывала его усталость после смены, его вчерашнюю ссору с женой, его любовь к дешевому пиву и футболу, его недоумение в последнюю секунду. Весь этот мусор чужой биографии перерабатывался внутри нее, затягивая черную дыру. Холод отступал. Кончики пальцев начало покалывать приятным теплом.

Когда все кончилось, она оттолкнула обмякшее тело. Витя упал на кафель мягко, почти неслышно. Глаза его остались открыты, выражая детское, обиженное удивление.

Настя облизнула губы. Кровь запеклась на подбородке. Она слизнула ее. Вкус был восхитительным.

Она посмотрела на свою грудь. Водолазка истлела, превратившись в черный пепел, который тут же развеялся от легкого движения воздуха. Кожа была чистой, сияющей внутренним лунным светом. Ни капли чужой крови. Абсолютный контроль.

Она взглянула на свое бывшее тело на соседнем столе. Провела рукой по синему покрывалу. Прощай, Настя. Спасибо за билет.

Скрипнула входная дверь главного корпуса больницы. Послышались тяжелые шаги и приглушенные голоса бригады скорой помощи, привезшей очередного неудачника с ножевым ранением. У Насти оставалось секунд тридцать до того, как в коридоре покажется дежурный врач, привлеченный звуком падения, или коллега Вити выйдет покурить.

Она не испытывала вины. Жалости тоже. Тот, старый мир остался за толстым стеклом аквариума. Здесь правила были другими. Выживал тот, кто умел правильно питаться.

Настя отошла в самую темную часть зала, в слепую зону камер наблюдения, которые ленивый Витя забыл включить. Прислонилась к холодной металлической дверце холодильника. Закрывает глаза, прислушиваясь к новому ритму своего несуществующего сердца.

Голод был утолен. Но она понимала — это лишь аперитив. Легкая закуска. Настоящий пир ждет ее снаружи, в ночном городе, полном тепла, пульса и глупцов, которые думают, что запертые двери и людные улицы могут спасти их от тех, кому больше не нужен обратный билет.

Она открыла глаза. Янтарная радужка полыхнула в темноте ярким золотом, а вертикальные зрачки сузились в две хищные черты. Первый экзамен на право называться бессмертной был сдан.

Глава 2. Первая ночь

Тишина морга больше не была пустой. Для человеческого уха она оставалась вязкой, стерильной и пугающей, но для Насти каждый миллиметр пространства теперь вибрировал собственной жизнью.

Она стояла у металлической дверцы холодильника, прислонившись к ней лопатками, и заново училась быть собой. Процесс занял ровно сорок три секунды — именно столько времени потребовалось ее новому мозгу, чтобы обработать лавину данных от обновленной нервной системы.

Первым вернулось обоняние. Оно ударило по рецепторам тяжелым молотом. Запах формалина никуда не делся, но теперь он был лишь фоном, базовой нотой в сложном аккорде смерти. Она чувствовала сладковатый дух начавшегося распада тела Вити на полу — работа бактерий, выделяющих путресцин и кадаверин. Чувствовала слабый аромат дешевого одеколona «Саша», которым пользовался пожилой патологоанатом Борисыч, ушедший домой час назад — его запах въелся в дерматиновую кушетку в углу. Чувствовала даже призрак запаха жареной картошки с луком из столовой на первом этаже, хотя вентиляция давно должна была вытянуть его прочь. Воздух перестал быть просто смесью газов; он стал густым информационным бульоном.

Вторым пришел слух. Гул компрессора старого холодильника за спиной звучал для нее как симфонический оркестр. Она различала трение поршня о стенки цилиндра, щелчки реле, вибрацию медных трубок охладителя. За тремя бетонными стенами, на улице, проехала машина — Настя определила марку двигателя (устаревшая рядная четверка, карбюраторный впрыск, нуждается в регулировке клапанов) и степень износа протектора шин исключительно по гулу. Где-то капала вода. Раньше этот звук сводил бы ее с ума своей монотонностью. Теперь она знала: капает из трещины в трубе горячего водоснабжения на втором этаже, температура воды плюс пятьдесят два градуса, диаметр капли четыре миллиметра, частота падения — одна целая две десятых секунды.

Третьим открытием стало отсутствие дыхания.

Легкие стояли мертвым грузом. Диафрагма не двигалась. Ребра были неподвижны. Инстинкт заставил ее сделать судорожный вдох, втянуть воздух спасительной привычкой, но горло осталось сухим. Прошла минута. Две. Сердце, которое должно было начать биться в панике от кислородного голодания, молчало. Мозг работал идеально четко, без малейшего намека на гипоксию. Более того — мысли текли стремительно, холодно, отсекая все лишнее, словно процессор, разогнанный до предельных частот.

Настя посмотрела на свои руки. Пальцы не дрожали. Ногти имели идеальный маникюр — тот самый, который она сделала вчера днем перед несостоявшимся свиданием с Кириллом, бордовый матовый шеллак. Кожа казалась бледной, почти фарфоровой, но это можно было списать на мертвенный свет люминесцентных ламп. Никакой трупной лиловости, никакого окоченения. Напротив, под тонкой кожей едва заметно пульсировала серебристо-черная венозная сеть, похожая на чертеж морозного узора на стекле. Кровь внутри нее... она перевернула ладонь. Прилив крови, обычный человеческий румянец, отсутствовал. Но когда она сжала кулак, напрягая мышцы, они проступили под кожей рельефным, нечеловечески красивым рисунком. Сила, дремавшая в них, пугала. Ей показалось, что если она захочет, то сможет пробить этой рукой кафельную плитку.

Паника пришла позже. Не та, животная, липкая паника утопающего. Это была ледяная, экзистенциальная ясность человека, внезапно осознавшего, что законы физики отменены лично для него указом свыше. Или снизу.

— Я умерла, — произнесла она вслух. Голос прозвучал чисто, объемно, с идеальной акустикой пустого зала. Никаких хрипов больного горла. И легкий, почти незаметный свистящий призвук на шипящих звуках, словно во рту появилось лишнее пространство или дополнительные зубы.

Она подошла к секционному столу, где лежало накрытое тело. Свою бывшую оболочку она рассматривала уже без трепета. Просто дефектный биологический материал. Протокол вскрытия гласил: «Массивная кровопотеря». Ложь. Официальная медицина никогда не признает укуса между ребрами.

Настя провела пальцем по собственному лбу на лице трупа. Холодный воск. Ресницы отбрасывали тень. Она закрыла глаза мнимому телу и прошептала: — Тебе повезло. Ты больше никогда не будешь ждать звонка.

Развернувшись, она направилась к выходу из секционной. Нужно было понять правила игры. Если Витя прошел сквозь нее, значит, мир живых отделен от нее невидимым барьером. Частотным фильтром. Она — радиоволна другой длины, которую старые приемники просто не ловят.

Дверь из нержавеющей стали была закрыта на электронный замок-карточку, висевшую на поясе у санитаря. Замок мигал красным диодом. Человеческая Настя начала бы искать способ взломать его или звать на помощь. Новая Настя просто протянула руку. Она не думала о том, как это работает — знание пришло само, всплыв из той самой темноты, куда старик в подвале опустошил ее вены. Электроника подчиняется потокам заряженных частиц. А она только что поглотила огромный заряд жизненной силы.

Металл замка ощутимо нагрелся под ее пальцами. Красная точка диода испуганно моргнула, сменившись зеленой. Послышался тихий щелчок соленоида. Дверь приоткрылась с легким шипением пневматики.

Коридор служебного крыла встретил ее запахом хлорки и ночной прохлады. Здесь горел тусклый дежурный свет — синие ночники у пола. Настя шагнула наружу. Подошвы ее босых ног ступили на линолеум абсолютно бесшумно. Она не шла — гравитация словно играла с ней в другую игру. Центр тяжести сместился, движения стали плавными, перетекающими. Ни единого лишнего жеста. Экономия энергии абсолютная.

Она дошла до поста дежурного врача. Кабинет был пуст. На столе стоял остывший чай в граненом стакане, лежал раскрытый кроссворд и старый кнопочный телефон. Настя взяла трубку. Приложила к уху. Тишина. Провода обрезаны еще в девяностые, аппарат стоит здесь для мебели.

Ее взгляд упал на зеркало, висящее над умывальником — небольшое, потускневшее квадратное стекло в металлической оправе. Профессиональная привычка врачей проверять свой внешний вид перед выходом к родственникам пациентов.

Она подошла ближе. Наклонилась, всматриваясь в свое отражение. Оттуда на нее смотрела Анастасия Смирнова. Та самая. Уставшая, но живая. Бледная после зимы, с легкой россыпью веснушек на переносице, которые она всегда ненавидела и пыталась замазывать тональным кремом. Губы нормального, здорового розового цвета. Никакой синюшности вампирских фильмов. Никаких красных глаз. Никаких выступающих клыков. Обычное человеческое лицо женщины, которая слишком много работает и плохо спит. Единственное отличие — зрачки. Они занимали почти всю радужку, затопив теплый карий цвет непроницаемой чернотой, а сама радужка по краю вспыхивала тонкими золотыми искрами, заметными только при определенном угле света.

— Иллюзия, — сказала Настя своему отражению. — Камуфляж. Защитный механизм вида. Она подняла руку и коснулась щеки в зеркале. Стекло отразило прикосновение, но тепла кожи не передало. Отражение было безупречным слепком ее человеческой памяти о себе. Мир вокруг подсовывал ей эту картинку, защищая психику нового хищника от преждевременного

безумия. Настоящую себя она могла увидеть только в полированном серебре или стоячей воде. Но сейчас было не до метафизики.

Голод проснулся снова.

Он начался не в желудке. Он зародился глубоко в основании черепа, там, где позвоночник соединяется с мозгом, и медленно пополз вниз, жидким огнем спускаясь по нервным окончаниям. Желудок спазматически сжался, но это была чистая симуляция — рефлекс, оставшийся от смертной жизни. Настоящий голод требовал другого топлива. Каждая клетка ее тела кричала о топливе. АТФ не вырабатывался. Митохондрии простаивали. Организм перешел в режим критического энергосбережения, отключив всё второстепенное — например, поддержание температуры тела. Настя опустила взгляд на свою руку. Кончики пальцев посинели. В комнате было тепло, около двадцати двух градусов, но кожа покрылась мелкими мурашками инея.

Нужно найти источник.

Она вышла в главный холл приемного отделения. Ночной покой больницы нарушал только храп охранника, уснувшего в стеклянной будке под бормотание маленького телевизора. Старый дед, лет семидесяти, расстегнутая куртка, кобура на боку пуста — табельное оружие наверняка заперто в сейфе начальника охраны.

Настя замерла. Охранник дышал. Громко, со свистом — эмфизема легких, стаж курения лет сорок. Его сердце билось часто и неровно — стенокардия, аритмия. Под тонкой кожей предплечья пульсировала крупная вена. Жизненная сила сочилась из него, как пар из неисправной трубы. Теплая, густая, насыщенная лекарствами, никотином и страхом одиночества (он думал во сне о внуке, которого вчера ругал).

Рот наполнился слюной. Клыки начали зудеть, выдвигаясь из десен. Настя зажмурилась, пытаясь взять контроль. *Я не буду этого делать. Я найду пакетированную кровь. В лаборатории должны быть запасы.*

Она сделала шаг в сторону коридора, ведущего в биохимическое крыло. И в этот момент охранник пошевелился во сне. Рука его соскользнула с пульта, задела кнопку вызова тревожной группы. Резкий, пронзительный звон сирены пожарной тревоги разорвал тишину.

Звук ударил по обостренному слуху физической болью. Настя сдавленно зашипела, зажимая уши. Рефлекс оказался быстрее разума. Боль от вибрации воздуха стала последней каплей. Режим выживания активировался.

Она оказалась возле будки мгновенно. Охранник открыл мутные спросонья глаза, увидел склонившуюся над ним фигуру в лохмотьях, залитых чем-то темным. Его рука дернулась к тревожной кнопке еще раз, но пальцы схватили лишь воздух.

Настя не прыгнула на него сверху, как зверь. Она нависла сбоку, фиксируя его плечо одной рукой так, что кости затрещали, предупреждая о переломе. Старик попытался крикнуть, но изо рта вырвался только сип. Ее вторая рука легла ему на грудь. Она не хотела убивать. Только взять немного. Совсем чуть-чуть. Как стакан воды для умирающего от жажды.

Клыки вошли в шею легко, как игла капельницы входит в подготовленную вену. Она целилась аккуратно, стараясь миновать сонную артерию, целясь в яремную вену, где ток крови медленнее. Укус должен быть точечным. Контролируемым.

Но вкус первой же капли, попавшей на язык, взорвал реальность.

Это был не просто белок и железо. Это была квинтэссенция чужого бытия. Вместе с горячей плазмой в нее хлынули воспоминания старика: вкус махорки тридцатилетней давности, шершавость ладони жены, которая умерла десять лет назад, липкий ужас перед больницей, где он проработал всю жизнь, радость от покупки подержанной «Нивы» весной. Эмоции били сильнее тока. Настя застонала, сжимая челюсти инстинктивно, чтобы удержать этот водопад, не дать ему пролиться мимо.

И тут хрустнуло. Не шея. Хрящи гортани подались раньше, чем костный каркас. Зубы сомкнулись плотнее необходимого рефлекса, перекусывая трахею и подъязычную кость. Старик забился в конвульсии, ноги засучили по пластиковому полу будки, руки пытались оторвать ее голову, но сил в них не было — паралич от болевого шока наступил почти мгновенно.

Настя пила. Она не могла остановиться. Механизм, заложенный в нее в подвале заброшенного особняка, оказался древнее человеческой морали. Он требовал осушить резервуар до дна. Горячая, соленая, пьянящая жидкость лилась в пищевод, но организм всасывал ее прямо через слизистую ротовой полости, распределяя энергию мгновенно. Сосуды под ее кожей вспыхнули серебряным светом, проглядывая сквозь эпидермис. Черная дыра внутри затягивалась. Мороз отступал. Кончики пальцев порозовели.

Охранник перестал дергаться. Его сердце сделало последний неритмичный толчок и остановилось. Давление упало до нуля. Источник иссяк.

Настя резко откинула голову назад. Из уголка рта стекла густая бордовая капля. Она слизнула ее языком, наслаждаясь металлическим послевкусием. Внутри бушевал пожар. Адреналин, чужой адреналин, смешанный с глюкозой и кислородом, гнал по ее мертвым жилам подобие жизни такой мощи, что закружилась голова. Она чувствовала каждую ворсинку ковровой дорожки в коридоре. Видела пылинки, танцующие в луче света от лампы дежурного освещения под потолком. Слышала, как в подвале здания крыса грызет изоляцию кабеля.

А потом зрение сфокусировалось. Оно опустилось на руки, держащие обвисшее тело старика. На собственные предплечья.

Кожа больше не была фарфоровой. Она стала пергаментно-белой, туго натянутой на вздувшиеся жгуты мышц. Вены почернели, превратившись в переплетение сухих корней. Она перевела взгляд ниже. На грудь. На остатки черной водолазки. Ткань истлела полностью, сгорела в процессе метаболизма выпитой крови. Но дело было не в одежде.

На коже, прямо над левой ключицей, расплзалось пятно. Оно не было похоже на синяк. Оно имело глубокий, аспидно-лиловый оттенок гниющей сливы и пульсировало в такт замедляющемуся сердцебиению самого старика. Некроз. Трупные пятна появлялись на телах спустя часы после смерти. На ее теле они возникли за секунду.

Пятно ширилось. Лиловый цвет начал чернеть, проваливаясь внутрь, обнажая сухую, ломкую плоть. Кожа пошла трещинами, как пересохшая земля в пустыне, и начала отслаиваться, сворачиваясь в черные чешуйки, которые падали на колени серым пеплом.

Изнутри поднималась волна животного, первобытного ужаса. Она поднесла руки к лицу. Ногти удлинились, превращаясь в твердые, желтоватые костяные когти. Свободный край ногтя обломился, ударившись о скулу, обнажив острую кромку.

Настя метнулась к стене приемного покоя. Там, среди плакатов о профилактике гриппа, висело большое ростовое зеркало в полный рост — гордость главного врача, любившего порядок.

То, что смотрело на нее оттуда, не было Анастасией Смирновой. Лицо сохранило общие черты — овал, линию подбородка, форму носа. Маска камуфляжа дала сбой, исчерпав лимит иллюзии. Лицо стало маской смерти. Кожа туго обтягивала череп, подчеркивая высокие, хищные скулы. Вокруг глаз залегли глубокие тени фиолетово-черного цвета. Губы исчезли, растворились, обнажив полоску бескровных десен.

И рот. Когда она попыталась закричать, челюсть деформировалась. Суставы вышли из пазух с влажным щелчком, позволяя пасти раскрыться неестественно широко, почти до середины шеи. Зубы... Боже, ее зубы. Передние резцы истончились и превратились в стальные иглы. Клыки верхней челюсти выдвинулись на добрых два сантиметра, загнувшись книзу, как у глубоководной рыбы. Нижние клыки тоже изменились — они стали короче, но шире, напоминая лезвия ножей для снятия шкуры, предназначенные не прокалывать, а рвать.

Зеркало отразило совершенную машину убийства. Биологическую аномалию, созданную только для одного — проникновения, фиксации и поглощения.

— Нет... нет... пожалуйста... — прохрипела она. Звук вышел гортанным, рычащим. Голосовые связки тоже перестроились, утратив способность к членораздельной речи в пользу диапазона, способного вызывать низкочастотные колебания — инфразвук, подавляющий волю жертвы.

Она отвернулась от зеркала, прижимаясь спиной к холодной стене. Паника наконец догнала ее, обрушившись всей тяжестью. Она чудовище. Оживший кошмар. То, чем пугают детей. Сквозь вой собственного отчаяния она слышала топот. По главной лестнице бежали люди. Двое. Быстрые шаги, тяжелая обувь. Охрана корпуса, разбуженная сиреной, которую сам же охранник и нажал перед смертью.

Они выбежали в холл. Молодые парни в черной форме частного агентства. Фонарики на их касках резанули по глазам яркими лучами. — Дед! Что случилось? Эй! Луч света мазнул по пустому помещению, скользнул по стойке регистрации... Один из парней заметил движение в углу, у окна регистратуры. — Там кто-то есть. Девушка, стоять! Руки за голову!

Они увидели ее старую версию. Ту, которую выдавало защитное поле мира — женщину в остатках одежды, с растрепанными волосами. Безобидную жертву обстоятельств. Их стволы остались опущенными. Парни переглянулись. Наркоманка? Обкурившаяся малолетка? — Дамочка, вы чего в закрытую зону зашли? — добродушно, хоть и настороженно, спросил первый, делая шаг вперед. — Сейчас полицию вызовем, протокол составим...

Второй остался чуть позади, освещая фонариком углы. Именно он первым почувствовал неладное. Запах. Сладковато-металлический, густой запах свежей крови, который никак не мог принадлежать одинокой плачущей женщине. И второй запах — странный, минеральный, похожий на озон после грозы.

Настя подняла голову. Луч фонаря ударил ей прямо в лицо. Черные провалы зрачков сузились до вертикальных нитей, моментально сократив светочувствительность сетчатки. Она видела обоих мужчин идеально ясно, несмотря на слепящий свет. Видела испуг в глазах первого, видел неуверенность второго. Слышала, как учащается пульс в их запястьях. Чувствовала исходящие от них волны тепла — концентрированные реки калорий, еды, спасения от черного некроза, ползущего по ее плечу.

Инстинкт выключил последние ошметки личности Анастасии-человека. Остался только Хищник. — Стоять! — громче повторил охранник, наконец замечая ненормальную ширину ее зрачков. — Руки пок...

Она не двинулась с места. Она просто позволила силе течь. Низкочастотная вибрация родилась в ее груди и ушла в пол. Беспшумная, невидимая волна давления ударила по мужчинам. Фонарь в руках первого парня дрогнул, луч ушел в потолок. Колени подогнулись сами собой. Мозжечок получил сигнал падения.

Парни рухнули на пол синхронно, как марионетки с перерезанными нитями. Не потеряв сознания — просто лишившись мышечного тонуса. Они могли дышать, думать, чувствовать ужас, но не могли управлять телом.

Настя скользнула к первому. Опустилась на корточки рядом с ним одним текучим движением, от которого по линолеуму пошел иней. Она больше не пыталась прятать клыки. Зачем? Еда не должна видеть лица повара.

Она наклонилась к шее парня. Тонкая кожа, юношеский пушок, бешеный стук пульса. Страх пахнет аммиаком. Его страх сейчас вонял оглушительно. — Прости, — шепнула она. Слово вышло почти нормальным. Энергии от охранника хватило на частичное восстановление контроля лицевых мышц. — Мне нужно совсем немного. Чтобы не стать им.

Клыки вошли в вену. Она закрыла глаза, сосредоточившись на кровотоке. Маленький глоток. Регулируемый. Сорок миллилитров. Достаточно, чтобы остановить распад тканей, вернуть коже эластичность и спрятать когти.

Тепло потекло по пищеводу. Благословенное, чистое здоровье молодого спортсмена. Некроз на плече остановился. Лиловая чернота начала отступать, оставляя после себя быстро заживающую, бледную кожу. Мышцы лица расслабились, возвращая чертам мягкость. Клыки втянулись обратно в десны, царапнув небо обратной стороной.

Сорок миллилитров. Она заставила себя оторваться. Выпрямилась, зажимая ранку на шее парня пальцем. Кровь свернулась почти мгновенно. Через минуту останется лишь крошечная красная точка, похожая на укусы насекомого.

Второй охранник лежал с открытыми глазами, полными леденящего ужаса. Он смотрел, как лицо девушки, только что бывшей похожей на смерть, на его глазах превращается в обычное, пусть и очень бледное лицо молодой женщины. Она повернулась к нему. Поправила волосы. — Тише, — сказала она мягко. — Спи. Она послала короткий импульс успокоения. Гипноз низкого уровня. Парень моргнул, веки его потяжелели, дыхание выровнялось. Через тридцать секунд он будет спать крепким сном праведника и помнить лишь туман.

Настя встала. Огляделась. Холл выглядел обыденно, если не считать двух тел на полу и трупа в стеклянной будке. Сирена продолжала реветь. Скоро сюда сбежится вся больница.

Она посмотрела на свои руки. Идеально чистые. Ногти коротко подстрижены, лак содрался во время трансформации, но форма ногтевой пластины вернулась к человеческой. Кожа гладкая. Температура повысилась до тридцати шести градусов — энергия жертв согревала ее изнутри.

Она бросила взгляд в ростовое зеркало. Оттуда на нее смотрели перепуганные, огромные карие глаза. Растрепанные каштановые волосы падали на плечи. Белая ночная рубашка, которую она сорвала с какого-то манекена по пути, придавала ей вид сумасшедшей пациентки из фильма ужасов, но лицо... лицо было живым. Человеческим.

Камуфляж восстановился, как только уровень глюкозы в ее новой, фальшивой крови поднялся выше критической отметки. Мир снова принял ее за свою. Иллюзия работала безупречно, пока желудок полон.

«Ты случайно убила санитаря», — вспомнила она слова своего внутреннего голоса. Витя на полу секционной. Переломанная грудная клетка. Она не просто выпила его. Она сожрала часть его структуры, чтобы восстановить собственную. Это не было актом питания. Это был акт каннибализма на атомарном уровне.

Ее затошнило. Не физически — пустой желудок не мог извергнуть содержимое. Это была ментальная рвота. Всплеск чистого, дистиллированного омерзения к самой себе. Кто она? Монстр из сказок? Демон? Болезнь?

Нет. Ответ пришел холодный и четкий. Она — паразит высшего порядка. Суперхищник. И единственный способ сохранить рассудок в этом новом мире — перестать оценивать действия с точки зрения мертвой этики. Этика осталась в той квартире с видом на ржавую горку. Здесь работают другие законы.

Закон первый: ты либо ешь, либо гниешь живо. Закон второй: оставлять свидетелей нельзя. Живые помнят. Память порождает вопросы. Вопросы приводят к колям и огнеметам.

Взгляд Насти снова похолодел. Она подошла ко второму охраннику, тому, что спал. Присела рядом. Положила пальцы на его сонную артерию. Проверка пульса. Ровный. Глубокий сон. Она приложила вторую руку к его виску. Закрыла глаза. Ей не нужны были учебники по нейрохирургии. Знание было встроено в базовую комплектацию. Легкое нажатие на определенную группу нейронов, микроразряд биоэлектричества...

Парень вздохнул в последний раз и затих. Лицо его разгладилось. Остановка сердца, вызванная фибрилляцией. Выглядит как внезапная остановка жизнедеятельности на фоне стресса и недосыпа. Классика судебки.

Первый парень. Она проделала то же самое. Короткий спазм мозга. Разрыв аневризмы, которой у него, скорее всего, и не было. Но экспертиза покажет обратное.

Три тела. Три источника пищи, ставшие отходами. Сирена продолжала давить на барабанные перепонки. Настя подошла к распределительному щитку на стене, открыла его голыми пальцами, игнорируя напряжение в сети, и спокойно пережала контакты, отвечающие за пожарную тревогу. Звук оборвался, погрузив больницу в ватную, неестественную тишину.

Она вышла через черный ход, предусмотрительно заблокировав за собой магнитный замок. Прохлада октябрьской ночи приняла ее в объятия. Асфальт был мокрым. Город спал, не подозревая, что по его улицам теперь ходит существо, для которого восемь миллиардов людей — это восемь миллиардов завтраков, обедов и ужинов.

Она шла по пустынной улице, кутаясь в обрывки ткани. Голод притупился, превратившись в низкое, сытое урчание сытого льва. Мысли прояснились окончательно. Ужас никуда не делся. Он просто упакован в дальний ящик. Достать и порыдать можно будет позже. Когда-нибудь. Если останется время.

Сейчас нужно выжить первую ночь. Найти убежище. Солнце встает через четыре часа. Она не знала, боится ли она света так, как показывают в кино, но рисковать не собиралась. Старая жизнь научила ее одному: лучше перебдеть, чем недобдеть. Особенно когда речь идет о твоей нежизни.

Впереди показалась стройка элитного жилого комплекса. Высоченный кран, горы песка, укрытые синим тентом бытовки. Идеальное место. Днем там никого не будет. А ночью охрана предпочитает сидеть в вагончике с обогревателем.

Настя свернула с асфальта на раскисшую глину строительной площадки. Ботинки увязли, но она даже не поморщилась. Физический дискомфорт стал таким же абстрактным понятием, как курс валют.

Она нашла самую дальнюю бытовку, закрытую на навесной замок. Прикосновение пальца — и дужка отвалилась с тихим вздохом окислившегося металла. Внутри пахло дешевым кофе, сигаретами «Прима» и мужским потом. Царские условия.

Настя прошла вглубь, перешагнув через сваленные в кучу каски. Нашла старый диван, обитый потертым кожзаменителем. Легла, не снимая остатков рубашки. Закрывает глаза.

Сон не приходил. Мертвые не нуждаются во сне в его биологическом понимании. Но ей нужен был отдых для обработки информации. Мозг работал непрерывно, каталогизируя новые способности, выстраивая иерархию приоритетов.

Первое: научиться контролировать трансформацию. Выпивать меньше. Научиться брать жизненную силу, не разрушая сосуд. Витя не должен был умереть. Это ошибка новичка. *Второе:* одежда. Ходить в лохмотьях — привлекать внимание полиции. *Третье:* информация. Кто такие те люди в подвале? Есть ли другие? Существует ли иерархия? *Четвертое:* Кирилл. Мысль о нем вызвала неожиданный приступ глухой ярости. Он предпочел жену. Жену, которая постареет, родит, покроется морщинами. Которая умрет. А Настя... Настя теперь может смотреть на мир вечно. И эта вечность будет очень, очень голодной.

Где-то далеко, на окраине города, завывала собака. Долгий, тоскливый звук, полный первобытной тоски. Настя улыбнулась в темноте бытовки. Улыбка получилась красивой, но совершенно неживой. Она больше не боялась воя собак. Теперь собаки должны бояться ее тени.

Первая ночь закончилась. Игра началась.

Глава 3. Инстинкт хищника

Солнце не взошло. Оно навалилось.

Настя проснулась за секунду до того, как первый луч коснулся крыши строительной бытовки. Проснулась не от звука или света — от изменения плотности воздуха. Ионосфера сдвинулась, пропуская фотоны термоядерной реакции, и для ее мертвой нервной системы это прозвучало как удар гонга прямо в основание черепа.

Она села на диване одним текучим движением. Мышцы не знали скованности утреннего пробуждения. Позвонки встали на место с сухим щелчком, позвоночник вытянулся в идеальную вертикаль. Внутри по-прежнему было холодно, но этот холод больше не был пугающим пустотой смерти. Он стал температурой жидкого азота — стабильным состоянием сверхпроводника. Ее тело превратилось в идеальный аккумулятор, который вчера ночью зарядили под завязку, высосав досуха трех здоровых мужчин. Энергии хватит надолго, но инстинкт уже шептал: резервуар нужно пополнять. Не сегодня. Завтра. Послезавтра. Хищник требует режима.

Первым делом она проверила кожу. Плечо, где начинался некроз после убийства охранника деда, выглядело абсолютно здоровым. Ни шрама, ни пигментного пятна. Кожа была гладкой, теплой на ощупь — около тридцати шести градусов. Камуфляж работал безупречно. Если бы не абсолютная, звенящая тишина внутри грудной клетки, где раньше билось сердце, и отсутствие дыхания, стоящего перед зеркалом человека никто бы не заподозрил. Она ощупала шею. Никаких следов укусов Вити или старика из особняка. Ткани регенерировали с пугающей скоростью, стирая улики биологического насилия. Мир живых хотел верить в иллюзию нормальности, и ее организм услужливо предоставлял ему эту возможность.

Бытовка встретила ее запахами мужского пота, остывшего пластика и озона от неисправной проводки. Сквозь единственное, забранное решеткой окно под потолком сочился серый рассвет. Настя подошла к мутному стеклу. Улица снаружи была девственно пуста. Город еще спал, укрытый тяжелым ватным одеялом смога.

Она протянула руку к солнечному пятну, ползущему по стене. Кончики пальцев вошли в зону света. Никакой боли. Никакого шипения плоти, никакого дыма. Лучи просто скользнули по коже, согревая ее ровно настолько, насколько солнце греет мраморную статую. Она не горела. Фотоны ультрафиолета беспрепятственно проходили сквозь ее эпидермис, не вызывая фотоллиза клеток. Это противоречило всем законам жанра, которые Анастасия-человек впитывала с детства через фильмы ужасов.

— Дневной свет — миф для ленивых охотников, — произнесла она вслух. Голос звучал чисто, лишь на согласных «с» и «ц» оставался едва уловимый свист, словно воздух обтекал лезвие бритвы.

Она вышла из бытовки. Замок так и валялся на земле — вырванный с корнем ригель погнут, как пластилиновый. Настя подобрала его, аккуратно приладила обратно в петли, защелкнула дужку. Силой своих новых рук она могла сплющить стальной лом в трубочку, но предпочитала точность. Хаос привлекает внимание. Порядок невидим.

Город просыпался навстречу ей, и каждый шаг приносил новую порцию данных. Ее зрение перестроилось. Цветовой спектр расширился. Она видела ультрафиолетовое излучение от люминесцентных ламп на автобусных остановках и инфракрасные следы тепла, оставленные проехавшими час назад машинами на асфальте. Серый бетон оказался покрыт сложнейшей сетью микротрещин, каждая из которых дышала своей историей сжатия и расширения.

Слух обострился до уровня сонара. Она слышала тиканье часов в кармане дворника, метущего тротуар за два квартала отсюда. Слышала, как в подвале жилого дома капает конденсат из трубы кондиционера (частота — раз в четыре секунды). Слышала пульсацию крови в сонной артерии кота, сидящего на мусорном баке. Кот замер, глядя на нее желтыми глазами,

выгнул спину дугой и издал низкое, вибрирующее шипение. Животные чуяли истинную природу вещей без всяких камуфляжей. Они видели ту самую черную гниль, что проступала на ее коже в моменты голода.

Настя зашипела в ответ — тихо, почти неслышно для человеческого уха, но кот взвился в воздух, перелетел через забор и растворился в кустах. Инстинкт доминирования сработал сам собой. Она больше не была частью пищевой цепи. Она стала вершиной.

Голод вернулся днем. Не остро, а фоном, как тихий гул высоковольтной линии. Постоянный зуд под кожей. Чтобы отвлечься, она начала экспериментировать со скоростью.

Широкий проспект перегородили дорожные работы. Ревущий компрессор, рабочие в оранжевых жилетах, красная лента. Обычный человек пошел бы в обход, теряя пять минут. Настя вошла в состояние, которое позже назвала «скольжением». Она не бежала. Бег предполагает фазу полета и удара стопы о землю, тратящую кинетическую энергию. Она перетекла.

Для рабочих, смотревших в другую сторону, пространство между красной лентой и другой стороной тротуара просто моргнуло. На долю секунды воздух задрожал от перепада давления, подняв облачко цементной пыли, и женщина в черной одежде оказалась там, минуя препятствие. Никто ничего не заметил, кроме легкого порыва ветра.

Остановившись в тени тополей, Настя прислушалась к себе. Пульс? Его нет. Дыхание? Отсутствует. Но уровень молочной кислоты в мышцах равен нулю. Усталости не существовало. Человеческое тело сжигает гликоген и задыхается в собственных отходах метаболизма. Ее новое тело работало на чистой энтропии чужой жизни. Пока она пьет — она вечный двигатель.

Но сила требовала контроля. Проходя мимо кофейни, она поймала свое отражение в витрине. Шла обычная девушка. Походка чуть расслабленная. Но если присмотреться... ноги двигались слишком плавно. Суставы сгибались под углами, невозможными для связочного аппарата обычного человека. Коленная чашечка фиксировалась жестко, амортизация отсутствовала. Она шла как идеально спроектированный андроид или хищная кошка.

Гипноз тоже пришел сам собой, когда зашедший в тупик разум попытался решить проблему прохода мимо бдительной консьержки в подъезде элитного дома, куда она зашла переждать дождь. Старушка вязала что-то ядовито-розовое, подозрительно щурясь на мокрую одежду незнакомки. — Куда идем, красавица? Гостей ждешь? Настя открыла рот, чтобы соврать что-то про доставку цветов этажом выше, но слова застряли. Вместо них из ее глаз плеснуло нечто густое, тяжелое, цвета темного янтаря. Волна непреодолимого подчинения. Она не хотела этого делать, даже не осознавала механизма, пока он не включился. Просто посмотрела прямо в слезящиеся глаза бабули. Консьержка мгновенно обмякла на стуле. Спицы выпали из рук, пряжа покатила по линолеуму. Взгляд остекленел. — Ты меня не видела, — мягко сказала Настя. — Я курьер. Принесла письмо в сорок вторую квартиру. Ушла пять минут назад. — Курьер... ушла... — послушно повторила старушка, часто моргая. Короткая память стерта, заменена новой прошивкой.

Настя взлетела по лестнице на один пролет, прижалась к стене. Сердце — вернее, то место, где оно должно быть — отозвалось фантомным спазмом ужаса. *Я монстр. Я лезу людям в головы и краду их волю.* Но следом пришла другая мысль, холодная и рациональная: *А разве люди не делают то же самое друг с другом рекламой, пропагандой и манипуляциями? Разница лишь в КПД.*

К вечеру, когда тени стали длинными и синими, она поняла, что выживание первых двух ночей было чистым везением новичка. Она действовала на адреналине трупа. Теперь пора учиться ремеслу всерьез.

Нужна была информация. Библиотеки устарели, интернет оставляет цифровые следы. Нужен тот, кто помнит времена, когда интернета не было.

Она нашла его в Александровском саду, у грота рядом с Вечным огнем. Место туристическое днем, мертвое и промозглое глубокой осенней ночью. Он сидел на бортике фонтана, закутанный в дорогое кашемировое пальто цвета слоновой кости. Несмотря на минусовую температуру и ледяной ветер, тянувший от реки, над ним поднимался легкий пар. Тепловой контраст. Вампиры старой школы любили демонстрировать свою нечувствительность к среде.

Настя почувствовала его запах за сто метров. Океанический бриз, старая бумага, сухая кровь и яд. Запах власти, которая длилась столетиями. Рядом с ней, вчерашним офисным планктоном, он казался акулой в пруду с карасями.

Она вышла из-за деревьев на гравиевую дорожку. Каблуки ее ботинок — украденных полчаса назад из закрытого бутика путем простого взлома замка шпилькой — цокали громко и нагло. Мужчина не повернул головы. Только поднял руку, затянутую в тонкую перчатку, и медленно похлопал ладонью по бордюру рядом с собой. Жест приглашения хозяина территории.

— Садись, аномалия, — сказал он. Голос был похож на скрип старого кожаного кресла. — Я начал чувствовать привкус железа во рту еще час назад. Понял, что новорожденная сука рыщет по моей вотчине. Обычно они либо воют от страха в подвалах, либо дохнут от солнца, пытаюсь доказать, что правила изменились. Ты выбиваешься из статистики.

Настя молча подошла и села. Расстояние между ними сократилось до метра. Она чувствовала исходящий от него колоссальный прессинг. Физическая тяжесть, давящая на грудную клетку. Попытка сломать волю доминированием. Любой другой новообращенный сейчас ползал бы у его ног, умоляя о пощаде. Настя просто наклонила голову набок, разглядывая его профиль. Профиль был хищным, римским, с орлиным носом. Давление исчезло. Старик усмехнулся, обнажая ряд зубов. Верхние клыки были длиннее нормы — сантиметров по пять, желтоватые, загнутые внутрь. Когда он улыбался, казалось, что его лицо раскалывается пополам. — Смелая. Или глупая. Меня зовут Игнат. Рожден в одна тысяча семьсот шестьдесят четвертом году под Псковом. Обращен французским офицером во время отступления Великой Армии. А ты? — Анастасия. — Какое милое человеческое имя, — Игнат достал из внутреннего кармана плоскую серебряную фляжку, открутил крышку и сделал глоток. По воздуху поплыл густой запах спирта и гемоглобина. Кровяная настойка. Алкоголь вампирам не нужен, но старые любят имитировать привычки смертных ради эстетики. — Давай посмотрим на тебя, дитя хаоса.

Он взял ее за подбородок пальцами, способными гнуть подковы. Хватка была железной, но Настя заметила, как дрогнули его костяшки. Он сканировал ее структуру. Его зрачки — обычные, человеческие, только радужка имела странный вишневый оттенок — впились в ее глаза. Он искал признаки вырождения. Признаки классических кланов: бледность Носферату, гипертрофированную мускулатуру Бруйде, паутинные железы Магусов. Он нахмурился. Провел пальцем по ее шее, спустился к ключице. Задержался на яремной впадине. — Температура тридцать шесть и шесть, — констатировал он, приносясь к ее коже. — Пульс отсутствует, но кровоток есть. Капилляры работают. Эпидермис выделяет себум. Ты пахнешь лавандовым мылом и страхом. Ты пахнешь, черт возьми, как человек! Как такое возможно? — Хорошая наследственность? — предположила Настя. Игнат отпустил ее и расхохотался. Громко, искренне, запрокинув голову. Звук отразился от стен Арсенальной башни. — Наследственность здесь ни при чем. Ты — брак производства. Побочный эффект ритуала. Тот, кто тебя инициировал... старый дурак Локи любит такие эксперименты. Собрать чистую эссенцию отчаяния и залить ее в форму идеальной женщины. Получите, распишитесь.

Он снова посмотрел на нее, на этот раз с научным интересом патологоанатома. — Мы все — ходячие трупы, девочка. Красивые, сильные, бессмертные, но трупы. Наши тела начинают разрушаться в момент смерти. Кто-то гниет медленнее, кто-то быстрее. Поэтому мы прячемся в склепах. Поэтому боимся серебра — оно ускоряет окисление нашей мертвой крови. Поэтому

нас тошнит от святой воды — она вызывает химический ожог нежити. Наша физиология — это физика распада. Он придвинулся ближе, дыша ей в лицо смесью коньяка и донорской крови. — А ты теплая. Твоя кожа эластична. Твои волосы растут. После инициации твои волосяные луковицы должны были атрофироваться, а они продолжают синтезировать меланин. Твое тело функционирует. Почти полностью. Единственное отличие — тебе нужна чужая жизнь вместо калорий. Ты не вампир классической школы. Ты симбионт. Идеальный паразит. Тебя создали не для того, чтобы пугать крестьян в Трансильвании. Тебя создали, чтобы ходить среди людей средь бела дня.

У Насти перехватило дыхание. Холод внутри на мгновение сменился жаром понимания. — Зачем? — Вот это правильный вопрос, — Игнат кивнул, удовлетворенно откинувшись на бортик. — Зачем создавать идеальное оружие, которому не страшен чеснок, кресты и солнечные ванны? Зачем давать ему скорость молнии и силу, способную разорвать стальную балку, но оставлять лицо супермодели? Он выдержал паузу, наслаждаясь моментом. — Потому что эпоха балахона и замков закончилась, детка. Инквизиция давно сидит в советах директоров корпораций. Охота на ведьм теперь называется корпоративным шпионажем. Старые господа, вроде меня, слишком заметны. Нам нужны активы. Тихие, чистые, неотличимые от венчурного капитала. Локи собирает армию теней. Ему не нужны солдаты, которые оставляют за собой горы пепла и привлекают Интерпол. Ему нужны призраки. Консультанты. Юристы. Ассасины, чья смерть зафиксирована двадцать лет назад. Ты — новый вид. *Homo sanguinus perfectus*. Тебе не нужен гроб. Тебе нужен абонемент в хороший фитнес-клуб и счет в оффшоре. Днем ты пьешь латте на кокосовом масле и обсуждаешь маркетинговые стратегии. Ночью ты перегрызаешь горло конкуренту, и камера наблюдения показывает лишь смазанное пятно. Идеальное прикрытие. Идеальный хищник урбанистической эпохи.

Настя слушала, и кусочки паззла вставали на свои места. Странные взгляды Кирилла. Закрытый клуб. Ритуал. Старик в маске не пытался сделать из нее чудовище из готического романа. Он проводил кастинг на должность штатного ликвидатора. — Где мне найти Локи? — спросила она. Голос не дрожал. Игнат снова рассмеялся, но на этот раз в смехе звучало сочувствие. — Нет-нет-нет. Так быстро дела не делаются. Ты думаешь, если ты можешь свернуть шею охраннику, ты готова играть в высшей лиге? Ты даже пить толком не научилась. Оставила три тела в больнице. Три, Анастасия! В две тысячи шестом году в Мадриде за одно лишнее пятно крови на рубашке вырезали целый выводок салаг. Правила просты: не смей оставлять грязь. Ешь бродяг, ешь преступников, ешь тех, кого никто не будет искать. Используй гипноз. Растворяй воспоминания. А если пришлось убить чистого — инсценируй несчастный случай. Газовая утечка. Передозировка. Самоубийство. Искусство нашего вида — это искусство уборки, а не бойни.

Он поднялся. Ростом он был выше двух метров, и тень от его фигуры накрыла Настю целиком. — Твоя первая ошибка прощается. Вторая станет последней. И убивать тебя буду не я. Тебя убьют собственные кураторы, потому что бракованный товар портит статистику продаж. Игнат полез во внутренний карман пальто. Достал оттуда визитку. Черный картон, золотые буквы. Ни имени, ни телефона. Только адрес: «Набережная канала Грибоедова, 18. Вход со двора». — Там книжная лавка. Антиквариат. Спросишь Соломона. Скажешь, что от меня. Он даст тебе работу. Мелкую. Проверит твой аппетит и умение держать язык за зубами. Попробуешь съесть самого Соломона — останешься без головы. Он старше Москвы.

Игнат развернулся, собираясь уйти прочь по аллее, раствориться в тумане. — Подожди, — окликнула Настя. — Почему ты помогаешь мне? Мы враги. Конкуренты. Старик остановился. Обернулся. Вишневые глаза блеснули опасным весельем. — Потому что, девочка, мир становится невыносимо скучным. Все эти столетия мы прятались, боялись огня. А теперь приходит поколение вроде тебя. Теплые убийцы. Мне интересно посмотреть, как далеко ты зайдешь, прежде чем твоя человеческая скорлупа окончательно треснет и наружу выйдет зверь.

Зрелище обещает быть пикантным. И да. Добро пожаловать в настоящую тьму. Здесь гораздо светлее, чем в могиле, но выжить в разы сложнее.

Он ушел. Буквально истаял в воздухе между двумя фонарями. Настя осталась стоять с зажатым в пальцах прямоугольником черного картона. Адрес был реальным. Она чувствовала остаточную вибрацию шагов Игната на брусчатке. Старик весил килограммов сто двадцать, несмотря на кажущуюся легкость движений. Плотность костей у старых особей возрастала втрое.

Она провела остаток ночи, изучая город с новой оптикой. Александровский сад остался позади. Она двинулась вглубь Петроградской стороны. Теперь она смотрела на улицы не как пешеход, а как лев смотрит на водопой в саванне. Вот мужчина в дорогом костюме выходит из казино, пошатываясь. Печень увеличена, пульс нитевидный, в крови коктейль из кокаина и виагры. Легкая добыча, шум упадет на сердечный приступ. Вот компания подростков смеется у подъезда, передавая бутылку. Агрессивный тестостерон, алкоголь, сниженное внимание. Опаснее, могут шуметь. Вот женщина плачет на скамейке, сжимая телефон. Эмоциональная нестабильность. Гипноз пройдет легче, жертва сама пойдет за утешением в темноту.

Настя выбрала женщину. Не из жестокости — из практичности. Женский крик тише мужского. Женщину проще успокоить касанием руки. Она под села рядом, предварительно убедившись, что вокруг никого. Достала из кармана платок — чистый, белый, украденный из той же химчистки, что и ботинки. — Простудишься, — сказала она тихо. — Октябрь холодный. Женщина дернулась, готовая огрызнуться, но наткнулась на взгляд Насти. Янтарные искры в глубине черных зрачков вспыхнули чуть ярче. Это не было грубым взломом воли, как с консержкой. Это было приглашение. Предложение покоя. Настя транслировала чувство абсолютной безопасности, материнского принятия, отсутствия проблем. — Пойдем, я провожу тебя, — продолжала Настя, беря ее за ледяную руку. — Выпьем чая. Ты выглядишь очень уставшей.

Женщина кивнула. Слезы на ее щеках высохли. Проблемы с ипотекой, мужем и начальником растворились в серотониновом тумане, наведенном хищником. Она пошла за Настей покорно, как ребенок за Белоснежкой в лес.

Они свернули в проходной двор-колодец. Здесь пахло кошками и сыростью. Настя прижала жертву к облупленной кирпичной стене. Одной рукой зафиксировала плечи, второй нежно взяла за подбородок, поворачивая голову вбок, открывая доступ к боковой поверхности шеи. Самая безопасная зона — меньше риск повредить магистральную артерию и устроить фонтан. — Будет немного больно, потом очень хорошо, — прошептала Настя. — Спи.

Клыки вошли в плоть с хирургической точностью. Женщина вздохнула, колени ее подогнулись. Настя контролировала поток. Медленный, тягучий глоток. Около ста пятидесяти миллилитров. Ровно столько, чтобы вызвать глубокий обморок и временную анемию, которую завтра участковый врач спишет на переутомление и магнитные бури.

Вкус этой женщины отличался от вкуса охранников. Горький миндаль антидепрессантов, кислый вкус дешевого вина, сладость невыплаканных слез. Вместе с кровью в Настю перешла часть памяти: образ маленькой девочки, качающейся на качелях; ощущение шершавого языка собаки, лижущей руку; боль первого предательства. Чужая жизнь оседала на дне ее собственной пустой чаши, заполняя трещины.

Когда она закончила, то аккуратно опустила женщину на кучу опавших листьев. Проверила пульс. Слабый, ровный. Сон продлится до утра. Настя поправила на ней шарф, застегнула куртку. Профессиональная этика нового порядка. Оставлять клиента в презентабельном виде.

Она выпрямилась. Вытерла уголки губ тыльной стороной ладони. Крови не осталось — слюна содержала фермент, работающий лучше любой салфетки. Она посмотрела на свои руки. Кожа оставалась розовой. Теплой. Совершенной. Игнат прав. Она — идеальный хищник. Ей не нужны темные катакомбы. Ей нужны кредитные карты, хорошее знание трудового кодекса и

умение пользоваться косметикой, чтобы скрывать синяки под глазами, которые появятся, если она не будет спать хотя бы пару часов в неделю для имитации человеческой усталости.

Рассвет окрасил небо над крышами в цвет разбавленного бургундского. Солнце начало свой подъем. Для большинства жителей города это означало начало нового рабочего дня. Для Насти это был сигнал тревоги. Биологические часы, встроенные миллионами лет эволюции млекопитающих, били в набат, требуя укрытия от ультрафиолета.

Она нашла открытый подвал старого доходного дома. Спустилась по осклизлым ступеням. Темнота здесь была абсолютной, осязаемой. Пахло влажной землей и кабелями. Идеально. Настя прошла в самый дальний угол, где лежала гора старого тряпья. Упаковки из-под доширака свидетельствовали, что иногда тут ночуют бездомные. Сейчас помещение было пустым.

Она легла на спину, сложив руки на груди в классическом погребальном жесте. Ирония ситуации вызвала кривую усмешку. Мертвые играют в мертвых. Закрыв глаза, она погрузилась в состояние анабиоза. Не сна. Просто отключение лишних процессов. Мозговая активность упала до минимума. Слух продолжал работать — она слышала, как наверху, на первом этаже, хлопнула дверь, как прошелестели шаги почтальона. Но эти звуки больше не имели эмоциональной окраски. Это был просто белый шум среды обитания.

Перед внутренним взором всплыло лицо Кирилла. Его снисходительная улыбка. Фраза «Моя мегера вернулась». Раньше эта мысль вызывала боль неразделенной любви. Желание заслужить одобрение. Сейчас, анализируя воспоминание своим новым, кристально-ясным разумом, Настя испытывала только холодное презрение. Кирилл был посредственностью. Функциональным винтиком системы, который испугался нарушить протокол брака. Он выбрал безопасность старости и целлюлита жены вместо риска. *Он думал, что выбирает жизнь. На самом деле он выбрал гарантированное разложение.*

Анастасия сделала выбор иного рода. Она приняла билет в один конец, который оказался пропуском везде. Мир Игната — мир интриг, древних долгов и корпоративных войн бессмертных — ждал ее. Лавка Соломона на канале Грибоедова. Настоящая работа.

Она больше не плакала по ночам. Черная дыра внутри была заполнена чужими жизнями. Зверь, которого она боялась обнаружить в зеркале, оказался не уродливым монстром, а элегантной, расчетливой машиной выживания. И этот зверь ей нравился.

Тело отдыхало. Интеллект строил планы. Впереди был день, который нужно пережить в убежище, и ночь, когда придется идти на встречу с Соломоном. Первый экзамен на профпригодность закончился. Начиналась стажировка в преисподней большого города.

Глава 4. Тень прошлого

Солнечный свет, просачивающийся сквозь решетку подвального окна, рисовал на бетонном полу идеальный золотой квадрат. Пылинки танцевали в его столбе медленный, тягучий вальс. Для Насти этот свет был ядом замедленного действия — не физическим, но психологическим. Каждые двадцать четыре часа мир живых напоминал ей о существовании времени, которое для нее теперь текло иначе. Человеческая жизнь измерялась ударами сердца и вдохами. Ее новая вечность измерялась глотками чужой крови.

За три недели с момента инициации она освоила базовые правила выживания. Соломон — древний, сутулый вампир с глазами цвета застоявшейся тины, владевший антикварной лавкой на канале Грибоедова, — оказался педантом старой школы. Он не учил ее убивать. Он учил замечать следы. «Труп — это статистическая аномалия, — скрипел он, протирая бархоткой старинное пресс-папье из горного хрусталя. — Аномалии привлекают аналитиков ФСБ. Наша задача — быть скучными. Если клиент упал с крыши, проверь, нет ли у него в крови следов снотворного, которые патологоанатому будет лень искать. Если ты пьешь его в парке, закопай использованный тампон со своей слюной глубоко под корни дуба — ДНК распадется раньше, чем до него доберутся собаки. Чистота, Анастасия. Мы — клининговая служба сверхъестественного».

Настя оказалась прилежной ученицей. Она сменила гардероб: никаких черных балахонов, только кашемир, шелк и строгие пальто Max Mara, купленные ночью в закрытом бутике путем гипноза испуганной продавщицы. Она сняла квартиру-студию в новом ЖК бизнес-класса на Васильевском острове через подставное лицо — пожилую женщину, которая после визита к «риелтору» забыла последние десять лет жизни, но сохранила право подписи на документах. Она научилась пить дозированно. Бродяги Петроградской стороны стали ее личным буфетом быстрого питания. Пара сотен миллилитров раз в два дня позволяли поддерживать температуру тела, цвет кожи и идеальную работу регенерации. Голод стал фоновым гулом, который легко игнорировать, как шум холодильника.

Но все эти навыки, весь этот холодный профессионализм разбивались об одну-единственную стену. Стену по имени Егор.

Егор Ларичев. Двадцать девять лет. Менеджер по развитию в IT-компании. Улыбка, от которой когда-то плавилась коленка половины офиса, а вторая половина завистливо вздыхала. Ровные белые зубы (дорогостоящая работа стоматолога), широкие плечи (три раза в неделю кроссфит), привычка заправлять волосы за уши, когда думает. Год назад он ушел от нее к Алисе — блондинке из отдела маркетинга, дочери владельца крупного строительного холдинга. Уходил буднично. Принес домой пиццу пепперони, которую Настя терпеть не могла, и сказал: «Слушай, мы перестали расти в одном направлении». Фраза настолько шаблонная, что вызывала тошноту. Оказалось, они растут в направлении загородных домов на берегу залива и кредитных BMW X5.

Для человеческой Насти это стало концом света. Три месяца антидепрессантов, слез в ванной и удаления совместных фото из облака. Для нынешней, мертвой Насти эта история стала незаживающей язвой. Не потому, что болело сердце — сердечной мышцы больше не было, кровь двигалась иным механизмом. Это была уязвленная гордость архитектора. Ты строишь здание, вкладываешь фундамент, проводишь коммуникации, а потом заказчик говорит, что проект устарел, и сносит его ради стеклянной коробки. Хотелось понять чертежи заказчика.

На четвертую ночь слежки она впервые применила свой слух на полную мощность. Дом Егора находился в элитном охраняемом комплексе «Балтийская жемчужина». Попасть внутрь

днем было невозможно — камеры, консьержи, турникеты. Ночью периметр патрулировала частная охрана с ротвейлерами. Но для существа, чья скорость восприятия превышает человеческую в десятки раз, забор был лишь условностью.

Настя сидела на ветке старого тополя в сквере напротив. Расстояние — сто сорок метров. Ветер качал крону, заставляя листья шуршать, создавая акустический мусор. Обычный человек услышал бы только шум ветра. Настя фильтровал реальность.

Она отключила зрение, сосредоточившись на аудиальном спектре. *Ш-ш-шшх... бум-м.* Сердцебиение спаниеля на третьем этаже. Пес видит плохой сон, дергает лапой. *Скрип... тиск.* Мышь прогрызла утеплитель в подвале. *Вж-жс-жжик.* Работает система вентиляции подземного паркинга. Лопасты слегка разбалансированы, нужна смазка подшипника. И наконец, то, ради чего она пришла. Третий этаж, квартира окнами во двор.

Сначала она слышала дыхание. Два ритма. Одно глубокое, ровное, с легким присвистом заложенного носа — Егор спит на спине. Второе — быстрее, прерывистое, женское. Алиса. Судя по тембру, она недавно плакала.

Настя переключилась на другой режим слуха. Микровибрации. Сквозь толщу стеклопакета, армированного профиля и бетона она считывала движение тел. Они лежали в кровати. Егор закинул руку за голову. Алиса свернулась клубком, отвернувшись от него. Между ними пролегало пространство ровно в тридцать сантиметров — мертвая зона отчуждения супружеской постели.

Алиса тихо всхлипнула снова. Звук сорвался с губ непроизвольно. — Перестань, — голос Егора прозвучал глухо, словно говорил в подушку. — Я же просил. Давай просто спать. — Ты даже не смотришь на меня, — прошептала Алиса. Голос дрожал от истерики, готовой прорваться. — Когда мы последний раз разговаривали? По-настоящему? — О чем разговаривать, Лис? — в его тоне прорезалось раздражение. — О том, что твой отец опять задерживает транш? Или о том, что дизайнер привез образцы плитки, которые тебе не понравились? Я выжат, понимаешь? Как лимон в турецком отеле. Мне нужно просто закрыть глаза.

Настя почувствовала, как внутри поднимается волна черного, вязкого удовлетворения. *Не нравишься ты ему, девочка. Бракованная модель.* Но следом пришло другое чувство. Холодный интерес исследователя. Почему год назад он бросил ее — простую Настю с макаронами и дешевым вином — ради этого золотого капкана? Тогда мотив казался очевидным: деньги, статус, связи тестя. Но сейчас, слушая эту сцену, Настя понимала: дело не в деньгах. Деньги были инструментом. Вопрос в том, какую дыру ими затыкали.

Егор сел на кровати. Пружины матраса скрипнули под его весом. Послышался звук чиркнувшей зажигалки. Запах сигаретного дыма долетел до Насти даже сквозь закрытое окно, усиленный обостренным обонянием. Табак дорогой, кубинский, с нотами шоколада. — Я женился на проекте, Лис, — сказал он, выпустив дым. — На красивой картинке. Папа дал нам стартовый капитал, папа купил квартиру, папа решает проблемы. Моя задача — соответствовать. Ходить на твои благотворительные ужины, улыбаться этим силиконовым курицам и делать вид, что мне интересно обсуждать покупку новой яхты. Я превратился в приложение к твоему отцу. — Так уйди! — вскрикнула Алиса, поворачиваясь к нему. — Кто тебя держит? Иди пиши свои гениальные коды в гараже! — Меня держит ипотека на двести миллионов, — горько усмехнулся Егор. — Которую твой батя взял на себя, чтобы нас «поддержать». И условия договора такие, что если мы разведемся или я уволюсь без его согласия — залог переходит банку. То есть мне придется жить в коробке из-под холодильника. Я променял свою свободу на позолоченную клетку. И знаешь что самое мерзкое? Иногда мне здесь нравится. Тепло. Сытно. Никто не смотрит на меня голодными глазами, ожидая чудес.

У Насти перехватило дыхание. Обостренный слух уловил изменение частоты ее собственного пульса — вернее, того механизма, что гнал черную субстанцию по венам. Он ударил в виски набатом. Он говорил про нее. Про ту, прошлую Настю. «Голодные глаза, ожидающие

чудес». Год назад она думала, что причина в Алисе. Что он польстился на длинную ногу и папины миллионы. Оказывается, он бежал не *к ней*. Он бежал *от пустоты*. От ответственности за чужое счастье, которую Настя возложила на него своим молчаливым обожанием. Она смотрела на Кирилла, боготворила Егора, ждала принца, который вытащит ее из рутины Excel-таблиц. Она была таким же паразитом, просто более бедным и сентиментальным.

Злость схлынула, оставив после себя звенящую пустоту понимания. Ей не нужен Егор. Ей не нужна месть. Ей нужна была правда, чтобы похоронить призрака той девочки, которая умерла в морге.

Она спустилась с дерева бесшумно, сливаясь с тенями. Охранники внизу прошли мимо, подсвечивая кусты фонарями. Луч скользнул по стволу тополя, где она сидела секунду назад, метнулся дальше. Разрыв в зрении составил 0.8 секунды. Для них — ничего. Для нее — целая вечность безопасности.

Днем она вернулась к дому. Теперь стратегия изменилась. Ночное зрение позволяло видеть сквозь стены тепловую карту здания, но детали интерьера оставались скрыты. Нужен был визуальный контакт вблизи. Настя вошла в лобби. Камеры наблюдения зафиксировали стройную брюнетку в сером тренче Burberry. Лицо скрывали большие очки Chanel и низко надвинутая бейсболка. Образ типичной жены программиста, приехавшей забрать забытые ключи. Консьерж — молодой парень в униформе — лениво поднял глаза от смартфона. — Девушка, вы куда? Настя остановилась. Посмотрела на него. Не вкладывая силу, не ломая волю — просто установила прямой зрительный контакт. Легкая эмпатическая настройка. Синхронизация биоритмов. — Доброе утро, Денис, — сказала она мягко. — Я подруга Егора из пятнадцатой квартиры. Забыла вчера сумочку в гостиную, очень неловко. Егор еще спит, не хочу его будить звонком, он полночи сервер поднимал. Можно я быстренько поднимусь? Парень моргнул. Его мозг обработал информацию и сам достроил логическую цепочку: симпатичная девушка, знакомый жилец, бытовая ситуация. Угрозы нет. — Да, конечно, — он кивнул, бросив взгляд на экран монитора. — Только лифт карточкой приложите. Настя приложила пустой пластик к считывателю. Замок щелкнул. Система приняла сигнал благодаря микроскопическому воздействию на микросхемы карты — навык Игната, усвоенный за пять минут наблюдения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.